

Лысьвенские металлурги - фронту

ИСКРА 3
www.iskra.lysva.ru

№ 44 (15346)

СУББОТА, 24 апреля 2010 г.

ЦЕНА ПОБЕЛЫ!

✓ За годы войны на Лысьвенском металлургическом заводе было выпущено продукции на сумму свыше миллиарда рублей. Лысьва стала единственным изготовителем солдатских касок в стране, и за годы войны выпустила их 10 млн. штук. В 1942-м на ЛМЗ началось производство корпусов 37-миллиметровых зенитно-трассирующих снарядов. До конца войны их было изготовлено 4 млн. штук. Производство авиабомб составило 322 тысяч штук, голловка к реактивным минам - 383 тысячи штук. За годы войны было

выпущено 14 млн. армейских котелков и 18 млн. противогазов. ✓ Комсомольцы и молодежь города и района уже в первые месяцы войны собрали деньги на строительство танка «Лысьвенский комсомолец». На строительство эскадрильи самолетов коллектив металлургов собрал 2,5 миллиона рублей, за что получил благодарность от Верховного главнокомандования. ✓ Более 17 тысяч лысьвенцев ушли на фронт, 4779 лысьвенских металлургов навечно остались на полях сражений.

Елена КОЖЕВНИКОВА

...Маленькая худенькая девочка с большими глазами на смуглом лице робко жалась к отцу. «Возьмите её!» - просил мужчина. В заводской конторке отдела кадров стояла напряженная тишина. В эту минуту решалась судьба 14-летнего подростка. Строгий начальник-кадровик, окинув девушку взглядом, отрезал: «Нет! Куда такую на завод?». Внезапно из-за спины раздался спасительный голос: «Я возьму! С испытательным сроком...». Так произошло первое знакомство Маргариты Кирчановой (Бересневой) с начальником цеха № 3 Лысьвенского металлургического завода Иваном Ивановичем Ждановым. Был июнь 1942 года. Тогда Маргарита и предположить не могла, что завод станет частью её жизни на долгие 45 лет, что здесь она найдет верных подруг и они пронесут дружбу, закаленную войной, через годы...

«МАМА, МНЕ КАРТОЧКУ ДАЛИ!»

Вчерашние девочки-подростки, сегодня уже бабушки, стоят передо мной. Маргарита Георгиевна БЕРЕСНЕВА (на верхнем снимке - слева) и Нина Филипповна БУРЦЕВА разглядывают фотографии в лысьвенском музее каски. В небольшом зале представлена почти вся продукция, которую ЛМЗ производил в годы войны. Я наблюдаю за выражением лиц ветеранов, за их глазами, наполненными светлой грустью, ловлю каждое слово. Это они там, в 40-х, работая наравне со взрослыми, приближали Победу. Это они от голода и усталости засыпали в цехах, плакали от боли или радости...

- Плакали, плакали, - подтверждает Маргарита Георгиевна. - Помню, когда первый день отработала, мне дали 700-граммовую карточку. Расписывалась в бумагах, а по лицу катились слезы. Дома-то только двое кормильцев было: отец да я, а трое сестер. Старшие брат с сестрой добровольцами ушли на фронт. Мама перед войной родила младшенького - Мишу. От радости, что хлеб будет, я всю дорогу до дома бежала. Как завидела двор, закричала: «Мама, мне карточку дали!». А на первую мою зарплату мама купила на рынке хлеб, стоил он дорого - 1000 рублей. Дала нам, детям, по большому ломту.

- Вот он, наш цех № 3, - показывает на один из стенов Нина Филипповна и читает: «За годы войны цех выпустил 18 миллионов противогазов». А помнись, Рита, нашего начальника, Иван Иванович Жданова? Высокий такой, худощавый (это говорит уже для меня). Всегда сообщал нам последние сводки. Бежит, бывало, по цеху и кричит: «Наши наступают!».

- Как же не помнить? Жданов для нас, подростков, был как отец родной, - отвечает Маргарита Георгиевна, и ее морщинки разглаживаются от улыбки. - Если бы не он, меня бы на завод не взяли. Он определил меня в цех к мастеру Тимофею Исаевичу Куликову. Куликов, помню, окинул взглядом и давай ругаться: мол, скоро из детсада приведут. Он ушел по делам, а я осталась стоять посреди цеха. Кругом шум, работали в цехе в основном женщины. Они быстро нашли мне дело - складывать в вагонетки готовую продукцию. Ни до стола, ни до вагонетки я не доставала, тогда женщины подставили мне ящики. Так и отработала свою первую смену...

Из воспоминаний И.И. Жданова (данные из Народной энциклопедии «Лысьва»):

«В цехе № 3 в 60-е годы войны пришлось нелегко. В начале войны начальником цеха был Иванов Е.В. В 1941 году нам увеличили план в три раза. В октябре 1942-го стали переходить на выпуск новой формы изделий, и тогда же меня назначили начальником цеха. В те дни и месяцы в цехе работали даже дети лет 12. До сих пор помню, как приходила девочка Зина с куклой, ставила ее на подоконник, а сама сидела за испытание изделий...».

«На судьбу не обижаюсь!»

- ответила ветеран после рассказа о военном детстве

ОПОЗДАА? ПОД СУД!

В годы войны подростки трудились по шесть часов. Когда им исполнилось шестнадцать, переходили на 8-часовую смену. Маргарите с Ниной работать по восемь часов не пришлось. Вышел приказ о 12-часовой смене для всех рабочих, начиная с 16 лет.

Маргарита трудилась в бригаде браковщиц, а вместе с ней - еще четыре девочки: Нина Бурцева, Лида Замятна (Сакович) и Тоня Сыропятова. Так и сдружились на всю жизнь.

Бригада работала на испытании крышек от противогазов. Крышки опускали в специальный состав - хромпик, очень едкий. Если шли пузырьки, крышка уходила в брак, не было пузырьков - признавалась годной для фронта. Дома Рита отмывала руки в содовом растворе - болели страшно.

Воспоминания ветеранов прерывает группа экскурсантов. Школьники начальных классов заворожено слушают экскурсовода. Она рассказывает и о снарядах, чтостройной батареей примостились в углу залы, и о гармошке, которую заводчане положили в один из ящиков с боеприпасами. Боины радовались ей как дети. И, конечно, о лысьвенской каске и девушках-снайперах, расстреливавших ее из трехлинейек, проверяя на прочность. А еще о том, что в некоторых цехах до двух третей работников составляли подростки. Нынешним детям трудно представить, как, отрываясь от кукол, бросая школьные парты, вчерашние дети становились бойцами второго фронта, разрывавшегося в тылу, на заводах. А ветеранам, заставшим в уголке, трудно сдержать набежавшие слезы. Они-то помнят, как каждый день, боясь опоздать, шли в цеха.

- Не шли - бежали! - признается Маргарита Георгиевна. - На работу меня всегда будила мама. А однажды в пересеченную перепутала время: разбудила без четверти четыре. Я миглом влезла в платье, наспех надела отцовские

ботинки, схватила в руки чулки - и бежать. А на улице - дождь со снегом. Мы жили в частном доме в Заболотне, по железнодорожному полотну бежать далеко. В войну с опозданием было строго: опоздал на 5 минут - хлебную карточку урезают, а если еще больше - под суд. За 15 минут домчалась до завода. Прибежала, а табельщика уже номерок мой снял. Говорит: мол, иди в цех, а я не могу. В ботинках хлопает... кровь. Все ноги гвоздями в отцовских ботинках сбита. Она отвела меня к себе в каморку, замотала израненные ступни тряпичками, велела надеть чулки - и за работу...

- На завод ходили в деревянных колодах, - вспоминает Маргарита Георгиевна. - Представьте: раннее утро, еще темно, люди идут на работу (раньше тротуар на дамбе был деревянный), все молчат, и только колодки стучат... Бесчисленное количество ног...

Углубляясь в прошлое вместе с труженицами тыла, я узнаю все новые подробности. В военные годы лето было жарким, зима морозной. Зимой в цехах было холодно. Летом от голода спасали ягоды и грибы, которых в лесах было много. А еще - крапива, которую люди собирали на всех уторах. Частенько мама Риты будила ее и младших братишек

«МЫ ЖИЛИ ЛУЧШЕ»,

«ВСТАВАЙТЕ, СНИ, - ПРОСПИТЕ КРАПИВУ...»

Ребятишки уходят. А мы все стоим и не можем оторваться от черно-белых фотографий, изображенных на них лиц - сосредоточенных, суровых, словно обмякнутых в чернильное прошлое страны. «Мои» бабушки пытаются разглядеть в этих лицах знакомые черты. Не находят фотографии Жданова и недоумевают: почему? Словно подтверждая добрую память об этом человеке, приводят все новые факты:

- Мама всегда давала мне на работу кусочек хлеба, - говорит Маргарита Береснева. - А однажды я потеряла свой паек: положила на рабочее место, а его не стало. Может, мышь стащила. Сигнал на обед прогудел, а хлеба нет. Сиджу и реву - есть хочется. Идет Иван Иванович, увидел меня, позвал учетчицу и спрашивает: «Что у тебя дети плачут («на крышечку»)?». Она подошла ко мне, узнала, в чем дело, и доложила ему. Он отдал мне свою стахановскую бирку и велел идти в столовую. А на стахановскую бирку давали тарелку супу, коллету и два кусочка хлеба.

- В войну было очень трудно с одеждой, - продолжает Нина Бурцева. - Все теплые вещи, валенки отправляли на фронт, а сами ходили в обносках. Когда я пришла в цех, у меня было одно платье. Иван Иванович узнал об этом и послал к кладовщице. Та шила рубашку... из марли. Я много лет хранила ее в шкафу.

сестренку в пять утра. «Вставайте, сон! - говорила она. - Проспите крапиву - вырвут все».

ПРОКЛЯНИТЕ ВОЙНУ

Неспешно обойдя залы музея, заходим в последний. Здесь полумрак, шторы опущены. Загорается экран размером во всю стену, и голос Левитана начинает читать: «Слышите: это мы говорим, мертвые...». На экране - сотни фотографий лысьвенцев, ушедших на фронт и погибших в боях, пропавших без вести. Их лица, словно маленькие звездочки, удаляясь, превращаются в черно-белые памятные квадраты. Вот и по моему лицу потекли слезы - отгадала. Такое чувство, будто за эти полчаса пережила целую эпоху - эпоху людского горя, черных дней, похоронков, слышала заводские гудки, шла в колодах по деревянным мостовым, пыталась согреть озябшие пальцы в холодных цехах, бережно разворачивала тряпицу с драгоценным кусочком черного хлеба.

- Убейте войну! Прокляните войну! - взывает Левитан голосом, ошметворявшим для миллионов русских Победу. И я чувствую, как эта Победа из далекого прошлого опускается на меня благословенным отцов и дедов. И где-то внутри просыпается глуще желание проклясть все войны на Земле...

Фото автора.

P.S. После войны Маргарита Береснева работала в цехе № 8, принимала тьюло как каскам. Когда производство перевели на мирные рельсы, перешла резчиком в заводскую типографию. В 1963 году перевелась в цех сиеновой посуды. В 1986-м вышла на заслуженный отдых, но без работы не могла: трудилась уборщицей в ДК ЛМЗ. Общий стаж труженицы тыла - 51 год. Она бережно хранит все награды и грамоты, а также вырезки из «Искры», где ее как передового работника не раз отмечали в публикациях. Сейчас ветерану 83 года. На мой вопрос о тяжелой жизни и трудной доле ответила: «На судьбу не обижаюсь. Мы жили лучше, чем наше поколение: люди были добрее, работа была. А сезонная людей лишали главногo - возможности зарабатывать на хлеб насущный»...